

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

выпуск
29 (92)

ИСТОРИЯ
И ФИЛОЛОГИЯ

Уважаемые читатели!
В связи с тем,
что „Палестинский сборник“,
вып. 29 был издан в 1984 г. в Горьком,
просим считать настоящий сборник
выпуском 29 (92) —
Редакционный совет РПО

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1987

ЗАМЕТКИ ПО ЭПИГРАФИКЕ ПАЛЬМИРЫ II¹

Материалы по истории Пальмиры в Inv., XII

XI выпуск „Инвентаря пальмирских надписей“ (далее - Inv.), опубликованный в 1975 г. в Дамаске А. Бунни и Ж. Теишидором² и ставший доступным автору этих строк благодаря любезности Х. Прайсслера (ГДР), содержит ценный материал, частично подтверждающий, а частично дополняющий и уточняющий существующие представления по истории и истории культуры пальмирского общества.

Основная масса текстов исходит, разумеется, от свободных пальмирян. Однако в одном случае (№ 56) упоминается вольноотпущенник: это барельеф, который изготовил „Ахайа, вольноотпущенник Кухайл [y] и Йархайа, его брата ('hy' br hry khy[w] wyrhy 'hwhy)". Возможен и другой перевод: „Ахайа, вольноотпущенник Кухайл [y], и Йархай, его брат". В первом случае перед нами ситуация, когда два брата сообща владели рабом и отпустили его на свободу; во втором случае один из братьев был рабом, а другой таковым не был. Хотя первое решение и кажется предпочтительным, вопрос приходится оставить открытым. Как и в других случаях, вольноотпущенник не имеет патронима (он - бывший раб!), но зато указывается имя лица, чьим вольноотпущенником он является, что свидетельствует о сохранении, несмотря на обретение формальной свободы, зависимости вольноотпущенника от манумиссора. Судя по характеру посвящаемого объекта (барельеф из известняка, на котором изображен посвячитель, приносящий жертву богам Белу, ЙарихБолу, 'АглиБолу и Арцу, изготовленный резчиком по камню 'Ату) и по его местонахождению (пункт ал-Мера, 75 км северо-западнее Пальмиры), вольноотпущенник Ахайа обладал значительными средствами и его деятельность не ограничивалась рамками собственно города.

Другая надпись (№ 33), происходящая из северного портика Большой Колоннады и содержащая греческий (почти полностью разрушенный) и пальмирский тексты, датируется мартом 115 г. н. э. Она сопровождает известняковую колонну, воздвигнутую в качестве посвящения Богу Всевышнему от имени Гая Юлия Максима, центуриона IY (по правдоподобию предположению издателей) Скифского легиона. Как отмечают издатели, этот же персонаж упоминается в Inv., X, 81 (135 г. н. э.) как лицо, статую которого воздвигают участники Марка Ульпия Абгара сына Хайрана сына Абгара, прибывшего из Спасинова Харакса.³ Позвоительно думать, судя по тому, что предки Г. Юлия Максима получили римское гражданство в конце I в. до н. э. или в начале I в. н. э. По происхождению он не был пальмирянином; не случайно у него чисто римский *cognomen*, тогда как у пальмирян - римских граждан *cognomina* соответствовали их семитским именам. В 115 г. мы видим его совершающим посвящение одному из самых почитаемых пальмирских богов, а через 20 лет, в 135 г., - оказывающим важные услуги богатой, могущественной и проявляющей исключительную деловую активность купеческой семье М. Ульпия Абгара, вероятнее всего, способствующим организации военной охраны каравана. Как бы то ни было, Г. Юлий Максим имел прочные деловые связи в верхних слоях пальмирского общества.

Среди пальмирян, о которых мы узнаем из надписей, собранных в Inv., XII, имелись люди, обладавшие значительными состояниями. Они могли себе позволить пожертвовать родному полису портик с колоннами, надстройками

и убранством (№ 18 + Inv., III, 1 (218 г. н. э.) и пальмирский текст № 23)⁴ либо двадцать каких-то объектов с лавками (ἐργαστηρ [ίους]), уплатив одновременно за землю (ἐδάφους) 503 денария (№ 29), устроить на свои средства при входе в ἀνδρῶν (помещение, где собирались коллеги) службовое окно и предпринять какие-то другие строительные работы (№ 19 = Inv., III, 2),⁵ воздвигнуть колонну с посвящением богам Цабасу и Анахит (№ 18), посвятить богу Бел-Хаммону храм (hukl'), мраморный портик, еще другой портик, кровлю, врата и какой-то бронзовый культовый объект (šrgb'; слово до сих пор не понято; см. комментарии к № 48), а также храм богини Манават и портик со всем убранством (№ 48-49), свершать на свои средства посвящения „тому, чье имя благословенно в вечности“ от имени богов Бел-Хаммона и Манават (№ 43). В № 24 говорится о посвящении [h]mny специфических сиро-палестинских культовых объектов, в № 30 – о посвящении алтаря (ʿit') и портика, в № 31 – о посвящении стелы и алтаря.

Частнообшественнические отношения, пронизывавшие всю жизнь пальмирского общества, нашли свое естественное отражение в надписях Inv., XII. В этой связи примечательна надгробная надпись № 17 (палеографически первая половина I в. н. э.), содержащая не только указание, кто погребен, но и кому погребение принадлежит: „Ниша (gwmh') эта – Хура сына ПациЭла сына 'Ата' акаба, который прозывается Хур, <сына> Мале. И пусть не открывает ее (l' yph') никто навечно. И погребена в ней Тадмор дочь Хунайу сына Малику, его жена ('nth). Увы!“. В № 14 фиксируется продажа части погребения: „В месяц тишири года 443 продал (zbn) Забде 'ате сын Хайрана <сына> Йакина из своей доли (mn mnth) экседру, которая, когда ты поднимаешься, справа от тебя, Бар 'ате сыну Марка (mrqs)". Упомянутая выше надпись № 29 показала, что среди объектов торговых сделок в Пальмире была также и земля (в данном случае – в пределах города); сколько можно судить, это первое указание такого рода, происходящее непосредственно из Пальмиры.

Как и опубликованные ранее надписи, тексты из Inv., XII содержат значительный материал для характеристики семейных отношений в пальмирском обществе. Многие посвящения и жертвования, равно как и почетные надписи, совершались от имени группы родственников (братьев и т. д.) либо „во здравие“ не только свое и своих сыновей, но и братьев и их сыновей. Подобного рода материалы могут свидетельствовать как о сохранении неразделенной семьи, так и о том, что разделившиеся члены семьи предпринимали совместные акции; в любом случае не подлежит сомнению, что тесные родственные узы сохранялись на протяжении нескольких поколений, как и представления о происхождении данной кровнородственной группы от общего предка. Так, № 35 + CIS II, 3923 (51 г. н. э.) представляет собой подпись к почетной статуе Мукайму сына ПациЭла сына Таймайа, который прозывается Хуккайшу, воздвигнутой ему сынами Таймайа, который прозывается Хуккайшу (bny tymy dy mtqrh hqyšw). Как справедливо отмечают издатели, „сыны Таймайа“ – это кровнородственная группа потомков данного лица, жившего, очевидно, в I в. до н. э.; он – дед чествуемого персонажа. Можно думать, что кровнородственная группа, ведшая свое происхождение от Таймайа, выделилась из другой в результате распада последней где-то на рубеже эр. Мукайму чествуется за заслуги перед родственниками и особенно за то, что он построил какой-то дом (текст поврежден, более определенными указаниями мы не располагаем). Значительный интерес представляет также № 21⁶: „[По] святил Малику сын Хайрана <сына> Элахбела [половину и] Элахбел и Вахбаллат сыновья [Ма 'анайа] сына Элахбела половину“. Попытку реконструировать родословие потомков Элахбела предпринял Ж.Т. Милик; если верна его схема, значительный интерес представляет, во-первых, тот факт, что в посвящении участвуют представители двух ветвей потомков Элахбела (двоюродные братья) и, во-вторых, что из двух сыновей Хайрана сына Элахбела (Малику и Элахбел, родившийся, несомненно, после смерти деда) в посвящении участвует только Малику. Вероятно, в момент посвящения Элахбел сын Хайрана еще не достиг совершеннолетия

и, следовательно, не мог самостоятельно участвовать в совместных акциях родственников. Согласно № 39 (29 г. н. э.), братья Шим, он и Лишамш, сыновья Таймарцу, сына Хатиту, посвятили богам 'Аглиболу и Малакбелу кратер и алтарь. По свидетельству № 34 (239 г. н. э.), братья 'Угайлу сын Малику и Йархай, „брат мой" ('ḥu), посвятили алтарь „во здравие их и во здравие сыновей их". Выражение „брат мой" дает основания думать, что главным действующим лицом в посвящении был 'Угайлу сын Малику. Как показывает № 30 (середина II в. н. э.), некий сын Евфрема посвящает алтарь во здравие сыновей его и брат [ев его] (bnwhw w'h[wh]). Надпись № 36 (первая половина III в. н. э.) сообщает, что родившийся, несомненно, после смерти отца Малику сын Малику сына Васаху устраивает погребальное сооружение „для Васаху, брата его, для него, и для сыновей его, и для сыновей [сынов их] (lwsḥw 'ḥwh lh wlbwnh wlbw [bnḥwn])". Как говорит № 44 (206 г. н. э.), Тайму сын Лишамша сына Тайму сына Булхи воздиг алтарь „во здравие отца его, и во здравие его, и здравие сыновей его". Очевидно, к моменту посвящения Тайму сын Лишамша, ставший, как указано в надписи, эпилетом источника Эфка, сменил отца и в роли главы семьи.

Погребальные сооружения также строятся не только для себя, но и для сыновей и внуков (№ 16 = CIS, II, 4166; 143 г. н. э.). В другом случае (№ 1; 144 г. н. э.) трое братьев-Нурбел, Мукайму и Хайран, сыновья Малику сына Нурбела <сына> Аккимила, строят погребальное сооружение для себя, своих сыновей и внуков. Под № 26 опубликованы подписи к портретам пяти сыновей Лишамша сына Бонне, погребенных в общем „доме вечности".

Особый интерес для характеристики семейных отношений в Пальмире представляют надписи из гипогея Болбарака (№ 2-13; № 2 датируется 239 г. н. э.). Здесь вместе с Болбараком, его сыновьями и дочерьми были погребены две жены Болбарака - Шулламит (šlmt) дочь Боррефе и Амаде, ате дочь Болбарака (несомненно, тезки ее супруга), а также две жены 'Угайлу <сына> Болбарака - Шилла дочь Малику и 'Ату дочь Ли[ша]мша. Основываясь на этом, можно было бы предположить, что в Пальмире имели место случаи многоженства; не исключено, однако, что в обоих случаях происходили повторные браки после смерти первой жены.

Пространная надпись № 45 (243 г. н. э.) содержит информацию о некоторых иных сторонах общественной жизни Пальмиры. Она сопровождает зал для сакральных церемоний (smk'), который посвятил „Тому, чье имя благосклонно в вечности, милостивому и доброму" врач ('sy' gwy') Малику сын Мукайму сына 'Акибы ради себя, своих сыновей и внуков. К надписи присоединено благопожелание: „Да будет помянут пред Милостивым Ца 'ид сын Небузабада <сына> Ца 'ида, друг его (rḥmh)". Перед нами, таким образом, еще одно свидетельство распространения в Пальмире „дружбы" как одной из форм патроната. Посвящение производится во исполнение клятвы, которая прославит навечно (wlšb 't' dy wd' l'im'), а также во славу служителей храма Бела (wlwd' dy 'ḥdy hyl' dy bl); последнее представляет собой, несомненно, корпорацию служителей Бела, известную по другим источникам.⁸ Греческий фрагмент № 20 - отрывок из постановления „совета и народа" - содержит слово *συμπόσιάρχος* [ντος]: по-видимому, человек, в честь которого был составлен декрет, одно время был главой сакральной коллегии. Согласно № 37, такая коллегия ([τὸ] συμπόσιον[ι]) Θουλ[u]ν[υ]ν чествует патрона (τὸν [π]άτρωνα) Септимия Одената светлейшего консула. Надпись датируется 258 г. н. э.; она подтверждает еще раз, что опорой власти в Пальмире семьи Септимия Одената была широко разветвленная клиентела, причем среди клиентов были не только отдельные лица, но и корпорации.

Из упоминавшейся надписи № 29 ясно, что тот Юлий Аврелий, о котором там идет речь, был агораномом (ἀγορανόμος [агта]).

Надписи, опубликованные в Inv., XII, содержат свидетельства культа „Того, чье имя благословенно в вечности" (№ 31, 34, 43, 45, 46), В 31, 45, 46 он имеет дополнительные эпитеты: добрый и милосердный. Упоми-

навшееся выше посвящение Г. Юлия Максима Богу Всевышнему ($\theta\epsilon\tilde{\omega}\zeta\iota\epsilon\eta\kappa[\acute{o}]\omega\zeta\iota\epsilon$), по всей вероятности, также связано с этим культом. Согласно № 45, с культом „Того, чье имя благословенно в вечности“, связана, как уже говорилось, корпорация служителей храма Бела, что дает возможность установить связь между безымянным богом и Белом. В № 43 совершающими посвящение „Тому, чье имя благословенно в вечности“, представлены боги Бел-Хаммон (финикийское Ба‘ал-Хаммон – „хозяин жара“, т. е. солнечный бог, чей культ особенно широко был распространен в пунийской Африке) и Манават – арабская богиня судьбы. Безымянный бог здесь – глава пантеона.

В сильно поврежденной надписи № 32 упоминаются „боги [до]брые и воздающие“ (‘lhy’[t]by’ wskry’); согласно № 55 (153 г. н. э.), к ним относятся Бел, Ба ‘ал-Шамен, ‘Аглибол, Малакбел, ‘Астарт, Немесид, Арцу и Абгал. Здесь существенно, во-первых, упоминание ‘Астарты, чье имя в Пальмире крайне редко, и, во-вторых, включение Немесиды в пальмирский пантеон под ее греческим именем. В то же время в № 51 (палеографически середина I в. до н. э.) некто Дион (dywn), носящий греческое имя, призывает для себя доброе поминовение „пред Белом“. Надпись № 54 представляет собой подписи к барельефу, на котором изображены ‘Астарт, ‘Аглибол, Бел, Ба ‘ал-Шамен, Йарихбол. Все божества показаны в стандартной позе и в облике воителей, опирающихся на копья в левой руке, в римских доспехах и плащах. Изображения голов разбиты, но, судя по тому, что сохранилось, вокруг каждой головы находился ореол, испускающий лучи. Бел, Йарихбол, ‘Аглибол и Арцу показаны и на барельефе надписи № 56 в таком же стандартном облике. В № 48 упомянуты Бел-Хаммон и Манават, в № 50 – Бел-Хаммон, в № 39 – ‘Аглибол и Малакбел. Наконец, № 41 представляет посвящение степному богу Ашару Шабабу (‘šr šbb).

Все эти данные свидетельствуют о сложном взаимодействии в Пальмире эллинской, арамейско-сирийской и арабской культурных традиций.

Пальмирская посвятельная надпись из ‘Аккара

В 1974 г. Б. ‘Аггула обнаружил в пункте ‘Арка (северный Ливан) и в 1977 г. опубликовал⁹ пальмирскую надпись, выполненную на известняковой плите размером приблизительно 40 х 40 см (обстоятельства находки не позволили издателю сделать точные промеры). Ниже следует ее текст и перевод.

[1] dkyr blg br m ‘yr
[2] byrh ‘yr šnt CCCC
[3] XCIII ḥgb’ wmsb’
[4] ‘bd whblt br zbyd’ whb
[5] lt qmyl’ ltš yt’
[6] wrhmnyl’ ‘l ḥywh why’
[7] ‘ḥwh wbnwh wdkyr qdm ‘ln

[8] ‘nš ‘nš kd šw’ mn tnn

[9] lšlmyt mynyn mšt[rt]

[10] ‘rb’

Да будет помянут Балаг сын Ма‘ира!
В месяц ийар, год CCCC
XCIII святилище и стелу соорудил
Вахбаллат сын Забиды <сына> Вахбал-
лата <сына> Камилы – Прославляемой
и Милосердной во здравие его и
здравие братьев его и сыновей его.
И да будет помянут пред богами
каждый, когда он удостоится, со-
гласно договору,
восполнить молитвенный кворум, за-
кон[ный] – четыре <человека>.

Как можно видеть, надпись, датируемая маем 182 г. н. э., представляет собой в целом обычную для пальмирской эпиграфики строительную надпись с посвящением „во здравие членов семьи посвятеля, а также некоего Балага сына Ма‘ира. За исключением трех последних строк издатель надежно ее интерпретировал. Он, в частности, отметил связь пальм. ḥgb’ с сир. ḥug-bā – „идол, святилище“, а также значение слова tš ‘yt’ в сирийском языке – „история, рассказ“.

Строки 7–10 остались, по нашему мнению, непонятыми. Отталкиваясь от šlmyt – „соглашение“ и myn’ – „сорт, вид“, но также „дем, племя,

народ", издатель переводит строки 7-10 (начиная со слов *wdkyr qdm'ln*) следующим образом: „et que soit commémoré devant ceux - ci quiconque, ici, donne son accord au traité écrit des dèmes, quatre". В этом случае, однако, нарушается синтаксическая конструкция, поскольку игнорируются частицы *kd* и *mn* в строке 8 и повисает в воздухе слово *'rb'* в строке 10. Значение *'ln* - „эти", „они" возможно только в том случае, если допустить в тексте гречизм (*πρὸς τοὺτους*), что представляется, когда имеются в виду собственные имена в надписи, для данного случая маловероятным; ожидалось бы в пальмирском тексте *qdmhn*. Кажется более правдоподобным видеть в *'ln* множественное число от *'l* - „бог"; глагол *šw'* переводить в соответствии с его сирийским значением - „быть достойным", предлог *mn* - „в соответствии с..." (так в Пальмирском пошлинном тарифе), *tnn* связать с сир. *tenūy*, *tanway* - „условие, соглашение", *šlmyt* - с глаголом *šlm*, имеющим в сирийском языке (по-рода Па“ель) значение „завершать" (в данном случае перед нами имя, употребленное вместо инфинитива), а *tnyn* воспринимать как аналог сир. *menyān* - „число" и ивр. *minyān* - „счет, число", „количество", но также и обозначение кворума, необходимого для совершения коллективной молитвы.

Разбираемая надпись представляет значительный интерес как исторический источник. Она является прежде всего дополнительным свидетельством распространения пальмирян на Ближнем Востоке, в том числе и в Финикии. Святилище, воздвигаемое Вахбаллатом, в конце концов должно было стать центром, вокруг которого группировались пальмиряне данной местности. На таких пальмирян, по всей видимости, опиралось правительство Одената-Зенобии, создавая свое переднеазиатское государство.

Вахбаллат совершает свое посвящение „во здравие" свое, своих братьев и сыновей. Не исключено (хотя возможно, разумеется, и другие предположения), что он возглавлял после смерти отца неразделившуюся большую семью. Мы вынуждены оставить без ответа вопрос о личности Балага сына Ма'ира; кажется правдоподобным, что это был патрон Вахбаллата и его семьи. Если верны предложенные интерпретации, можно думать, что при основании святилища был создан специальный устав, которым, в частности, предусматривался необходимый минимум участников коллективных обрядов - четыре человека. Определить, кто такая „Прославляемая и Милосердная", пока не представляется возможным (*‘Атар‘ате?*).

П р и м е ч а н и я

¹ Данная статья представляет собой продолжение наших „Заметок по эпиграфике Пальмиры", публиковавшихся в „Палестинском сборнике" (1974, вып. 25(88), с. 87-94).

² Некоторые надписи этого собрания уже публиковались прежде.

³ См. также: Ш и ф м а н И. Ш. Сирийское общество эпохи Принципата. М., 1977, с. 102.

⁴ См. также: M i l i k J. T. Recherches d' épigraphie proche-orientale I. Dédicaces faites par des dieux (Palmyre, Hatra, Tyr) et des thèses sémitiques à l'époque romaine. Paris, 1972.

⁵ Ср.: Ibid., p. 240; иначе: G a w l i k o w s k i M. Le temple palmyrénien. Warszawa, 1973, p. 80-81.

⁶ Дубликат этого текста опубликован: C a n t i n e a u J. Incriptions palmyréniennes. - Syria, 1930, vol. 11, p. 24-25, N 33.

⁷ M i l i k J. T. Recherches..., p. 243-246.

⁸ О значении корня *hd* см.: M i l i k J. T. Recherches ..., p. 286. Издатели предпочитают *‘hry* - Йарихбол как „патрон" храма Бела или

'hdy - „ceux qui possèdent“, подразумевая Бела, Йарихбола и 'Аглибола как „владельцев“ храма Бела. И то, и другое представляется чрезмерной натяжкой.

⁹ A g g o u l a B. Dédicace Palmyrénienne à la Renommée et à la Miséricorde. - Semitica, 1977, vol. 27, p. 117-122.

I. Schiffmann

NOTIZEN ZUR PALMYRENISCHEN EPIGRAPHIK. II

Der Aufsatz, der die in dem „Palestinski Sbornik“, 25 (88), 1974, S. 87-94 veröffentlichte Notizen fortsetzt, beinhaltet eine Analyse der palmyrenischen Inschriften aus Inv., XII, wobei neue Materialien zur Charakteristik der sozio-oekonomischen Zusammenhängen, Familienverhältnisse und Religionsgeschichte Palmyras besprochen sind. In dem zweiten Teil des Aufsatzes wird eine neue Inschrift aus 'Akkara analysiert. In den Zeilen 8-10 findet der Verfasser eine Erwähnung der sakralen Versammlung (my-nyn), die 4 Teilnehmer der Zeremoie einschliessen musste. Die Inschriften illustrieren den Prozess des Zusammenschmelzens der aramäischen, griechischen und arabischen Kulturen im Nahen Osten zur Zeit des Hellenismus und römischer Herrschaft.